

Пролог

Зеленые ворота захлопнулись без скрежета и скрипа — бесшумно, словно смазанные маслом. Зеленые ворота бетонного забора, опутанного колючей проволокой. И лес вокруг, все равно на миг умолкнувший, насторожившийся, снова ожил, наполняясь птичьим гомоном, шелестом листвы, дальней раскатистой дробью дятла.

В этот ранний утренний час птицы в сырых и сумрачных чашах пели как-то особенно радостно и празднично. Вышедшая из ворот пожилая женщина прислушалась, вспоминая: так же радостно и громко пели птицы в Земляничном Бору на Оке полвека назад. Тогда, летом 41-го, семья женщины жила там на даче, там и встретили 22 июня. В *то* воскресное утро, она до сих пор это ясно помнила, в их заросшем саду заливался черный дрозд и немолчно куковала кукушка, отсчитывая им всем, всей ее большой семье долгую счастливую жизнь.

Женщина вздохнула: и тут из глубины этого леса тоже доносится дальний голос кукушки. Врешь все ты, птица божья. И тогда, в сорок первом, врала своим гаданием — семья-то ведь почти вся полегла на войне — и братья, и дядья, и свояк... И сейчас ты, наверное, лжешь кому-то, птаха, ой лжешь...

Женщина оглянулась на зеленые ворота и тяжело и торопливо пошла прочь по дороге — узкой полосе бетона, проложенной среди хвойного леса.

Спешить ей было куда: электричка не ждет. А другой до полудня на этой тихой лесной станции не увидишь. Эта электричка — дальнего следования, до самой Москвы идет почти без остановок. Самая удобная электричка, а к платформе прибывает в 9.20. Не опоздать бы!

Но торопиться тоже ведь надо с умом. Чай не молоденькая. Женщина сглотнула горький ком в горле: годы

пролетели, старость — не ждала, а пожаловала. Какая уж теперь тут радость? Где она? В чем? Ноги, что ни утро, свинцом наливаются, поясницу крутит к дождю, суставы словно чужие, так и грызет их боль. А глаза без очков точно слепые окна в брошенном доме...

Старость... Седьмой десяток разменять при нынешней-то жизни — это суметь надо. Слава богу, что вообще-то еще на своих ногах ползаешь. И не только ползаешь, а даже работать можешь. Через силу, а можешь.

Из леса снова настойчиво окликнула кукушка. Женщина замедлила шаг. Отдышаться надо. Охо-хо, с этой работой... Правильно дочь говорит: «Бросить надо тебе, мамаша, эту канитель. Все равно всех денег не заработаешь. На покой пора». А где он, покой? Где его сыскать? Работала ведь всю жизнь, весь свой век. Да и деньги тут кое-какие платят. Однако...

Она снова заторопилась: скорее уж на платформу, что ли, скорее бы сесть в поезд! Но сердце сжалось в груди, заныло, требуя, чтобы с ним считались: старая ты кляча, бегаешь все, а бегать отвыкать надо, все равно от гроба-то не убежишь.

Вместе с сердечной болью вернулась к женщине тревога. Та тоскливая, щемящая, что не давала ей покоя ночью, та, что наваливалась на нее всегда, едва только она входила в эти зеленые ворота, закрывавшиеся столь бесшумно и плотно.

И правда, всех денег не заработаешь. Это по нынешним грошовым пенсиям там, конечно, деньги, но... Но *работа* эта...

Ей вдруг вспомнился отец Алексей — настоятель Храма Вознесения, что на Воздвиженке — самой ближней церкви от ее дома. Она посещала церковь нечасто, только по большим престольным праздникам. Да еще в канун смерти родителей, братьев, мужа — записочку подать заупокойную, свечку поставить. А приходя, всегда подолгу слушала отца Алексея, его проповеди. Говорил он чудно, по-старинному. А любимейшим его словом было «богопротивный» — употреблял он его всегда к месту и часто. И слово это, однажды впервые услышанное, прямо по сердцу ее полоснуло. Да, то, что она видит за этими зелеными воротами, этими стенами бетонными, видит почти каждый день, — именно *богопротивное* дело. Иначе и назвать его нельзя. А уж отвечать за него кому-то

на Страшном суде придется. Ох придется гореть за грехи в аду!

А впрочем... Она снова вздохнула и свернула с бетонки на узкую тропку, протоптанную в густом подлеске, — тут до платформы ближе, через лес напрямик, крюк делать не надо. «Впрочем, — размышляла она, — *наши-то* в институте ни в рай, ни в ад, ни в бога, ни в черта не верят. А только в книги свои, машины да опыты. Да еще в эту, как ее... эволюцию».

Она даже сморщилась от отвращения: до чего ж слово богопротивное! От него все и зло. И все мучения этих, *которые в клетках*, тоже от него.

Мудруют над ними почему зря, все опытничают, а о жалости к божьим созданиям не ведают. А про то забывают в ослеплении ума своего и гордыни, что без жалости и милосердия любое божье создание в *тварь* превращается. А над тварью один дьявол властен. Один нечистый крылья свои черные простирает.

Впереди в ельнике застрекотала сорока. Женщина остановилась, пытаясь разглядеть ее среди ветвей. Нет, невозможно. Даже такую яркую белобочку невозможно разглядеть сквозь этот непроницаемый полог переплетенных ветвей орешника, бузины, рябины, боярышника, опутанных куманикой. Даже сквозь такие сильные очки.

Теперь женщина шла медленно и осторожно: место тут топкое, низина, да дождь еще ночью прошел. Вот земля и раскисла. Оступишься в грязь — все ботинки уделаешь. Чисть потом дома-то! А они, ботинки-то, еще хорошие, крепкие. Дареные — дочь дарила: носи на здоровье, мамаша, — удобные, мягкие, самые старушечьи, да к тому же чешского производства.

А сорока-невидимка все надрывалась в вышине, все предупреждала лес — там, внизу, в гуще кустов, идет кто-то незнакомый, неизвестный... «Эх, птица божья, горластая ты, однако! Но голос твой — голос вольный: хочу кричу, хочу молчу. И впрямь — господнее создание. А *наши...* — женщина покачала седой головой, — а *наши-то!* Мудруют над ними — сил нет глядеть, что делают, что вытворяют. Спросишь: да зачем же все это? Отвечают — науки ради. А какая такая наука? О чем она? Радость, что ль, кому принесет? Одни только мерзости богопротивные, против естества, против порядка и природы.

А уж страданий-то сколько от этого, сколько мук

горьких! Сколько воя, рева, визга — оглохнуть можно. Точно в аду с чертями. Точно в аду...»

Ей вдруг стало жутко. Вспомнилась сегодняшняя ночь. Это дежурство треклятое... Как *он* глядел на нее сквозь стальные прутья. Как глядел! Прямо мороз по коже от его дьявольских зенок.

Нет, надо бросать эту работу. Хватит. Домой надо, на кухню, к плите, к внучке прилепиться. Или... если уж все-таки работать — в музей надо перебираться, в гардероб на вешалку. Пусть там каждый день работа, пусть ноги жалеть не придется, зато...

Сорока, трескнув напоследок, точно погремушка, улетела. И тут же ее громкое соло в лесном хоре подхватила кукушка. Женщина прислушалась: ишь ты, разбойница, как наяривает! Нешто загадать тебе, сколько еще годков куковать осталось, сколько кости носить старые по этой старой земле?

Но едва она шепотом спросила: «А мне сколько?», птица умолкла.

Лес кругом был тихий, солнечный. Басовито гудел запутавшийся в траве жук, жиденьким дискантом вторили ему маленькие болотные мошки...

Пожилая женщина шла по тропинке. Вот сейчас и платформа, а там электричка. Лишь бы места были свободные. А то стоять-то до Москвы радость невеликая. А уступить — все равно никто не уступит. Сейчас молодежь пошла дерзкая, неуважительная. Наглая молодежь.

Над тропкой нависали густые ветви кустарника. В плотную его сердцевину не проникали лучи начинавшего припекать июльского солнца. Она миновала куст, старательно обошла лужу, заскользила на топкой глине...

Сзади послышался хриплый вздох. словно крупное животное набрало в легкие побольше воздуха, чтобы...

Женщина оглянулась. Крик, вырвавшийся из ее груди, отчаянный, хриплый крик удивления, ужаса и боли взметнулся к листве и потонул в ней, словно в изумрудном бездонном море...

А потом наступила тишина, нарушаемая глухими страшными звуками, которых никогда еще не слышал этот подмосковный лес.

Глава 1

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ГЕРОИН?

«Отчего люди не летают?» — Вслед за героиней чеховской пьесы Сергей Мещерский задавал себе этот сакраментальный вопрос вот уже в сотый раз. Автомобильная пробка, наглухо закупорившая Новый Арбат, давила на нервы — тридцать семь минут на июльской жаре — это вам не фунт изюма! Хотя в «Жигулях» открыты все окна, вздохнуть нечем: со всех сторон ползет тошнотворная вонь копоти, бензина, солярки, горячего асфальта, пота и пыли. Куда ни кинь взгляд — авто, авто и авто.

Потерявшие, как и Мещерский, терпение водители выходили из машин, собирались группками, курили, возмущались.

— Что случилось-то? — спросил у Мещерского парень в темных очках и застиранной майке с надписью «Москва — Гавана», с силой захлопнувший дверь обшарпанного микроавтобуса.

— «Бенц» в автобус въехал, гаишника ждут, — пояснил Сергей лениво. Сам он ничего не видел, но весть о предполагаемом ДТП передавалась вдоль всей пробки из уст в уста.

— Ну оттащили бы их! На тротуар бы спихнули! Тут некогда, товар тухнет, а они... — парень сердито плюнул.

— Нельзя. «Марка»-то над каждой царапиной трясется. Деньги из водилы щас вышибать будут, — встрял в разговор шофер черной «Волги».

— Из автобуса много не выжмешь, — парень в майке снял очки и протер глаза — красные от пыли, усталые. — Эти «марочники», слышали, что теперь вытворяют? Собирается целая кодла на «мерсах», едут. Видят «чайника» на приличной тачке. Ну, один обгоняет его, занимает ряд, затем резко затормаживает у светофора, подставляя задний бампер под удар. «Чайник»-то — разиня. Где ему со-

риентироваться? Трах — и вдрызг бампер. Ах-ах, извините, а тут другие иномарки подруливают. И начинают «чайника» долбить: давай деньги, подписывай бумажки долговые. Фонарь поставят, пригрозят. А если платить откажется — мигом «счетчик» включат, а там сто баксов каждый час накручивается. «Чайнику» хошь квартиру продавай, хошь в петлю лезь. Опасно ездить стало путем-дорожкой, скоро все будем как в сказке: «Это хто там?» — «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Мещерский слушал разговор шоферов и едва не клевал носом. Жарко, и охота байки травить? Послышался вой милицейской сирены. Бело-синие «Жигули» с мигалкой лихо промчались мимо по тротуару.

— Слава те господи, хозяин трассы пожаловал. Щас растащат, — молвил водитель «Волги».

Мещерский облокотился на руль. Часы на приборной панели показывали половину третьего. Все. Пообедать он уже не успеет. А есть так хочется! Нет, ну отчего люди не летают, а? Сейчас бы крылышки расправить и порх-порх, как моль, как майский жучок, над всеми этими четырехколесными железяками воспарить к облакам и полететь в Никитский переулок, в Главное управление внутренних дел Московской области, где ждет его девочка Дюймовочка, которой он срочно понадобился. Эх! Как в этой самой «Дюймовочке»? «Я ж-ж-жук-дж-ж-ж-жентльмен, хочу на вас ж-ж-жениться...» Да...

Но самое-то главное в том, в этом ГУВД есть *буфет!* Шлепнуться бы жуком на буфетную стойку, сложить натруженные крылышки, налакаться бы сока вишневого всласть и засть все это крохой сахарной булочки! Эх, отчего только люди не летают!

Сегодня утром ему позвонила Катя, милая, милая Катя — самая замечательная девушка Западного округа столицы — и елейным голоском попросила его приехать в ГУВД: «Сереженька, голубчик, без тебя никак. Тут у нас такое дело, такое дело! Проходят по нему африканцы, срочно нужен переводчик. Ты подъезжай часика в два, мы пообедаем, а к трем их привезут в розыск для беседы, и ты нашим переведешь, что они наврут, ладно?»

Ну как отказать милой девушке, к которой ты хорошо, ну просто *очень хорошо* относишься? Никак невозможно. И вот, бросив все дела в Российском турклубе, где вот уже полгода готовится беспрецедентная экспеди-

ция по Центральной Африке, Сергей Юрьевич Мещерский, словно мальчишка (во-во, точно пацан зеленый), бежит, едва только его поманили, нежно обозвав *голубчиком*.

А буфет в ГУВД закрывается ровно в половине третьего! Чтоб его с такой пунктуальностью! В ТАССе, между прочим, круглосуточный. И на Петровке когда-то был тоже.

Машины впереди тихонько тронулись. Шоферы быстро затоптали окурки и разбежались по кабинам. Через десять минут Мещерский уже мчался по Новому Арбату. Сделал поворот у Манежа, затем еще один — на Большую Никитскую. А вот и ГУВД — желтенький, строгий, солидный. Две минуты спустя Мещерский уже звонил Кате из бюро пропусков.

— Приехал? Умница, — голос Катеньки — ласковый и довольный, — сейчас я скажу им. Алло, здравствуйте, это капитан Петровская. Пресс-центр ГУВД. Там пропуск нами заказан, есть, да? Спасибо большое.

Катя встречала его на КПП возле неулыбчивого мальчика в милицейской форме, в бронежилете, с автоматом. Катя — как всегда, свежая, сияющая. И опять на высоких каблуках! Мещерский от души проклинал эту новую моду: толстый увесистый каблук умопомрачительного размера. Катя и так Дюймовочка рослая — все сто семьдесят пять сантиметров да каблук семь-девять. Вот и считайте. А в человеке, который ну просто очень хорошо к ней относится, — всего сто шестьдесят пять...

— Катюш, я...

— Есть хочешь, знаю, — она явно собиралась поцеловать его в щеку, но вдруг, к его великой досаде, передумала: в официальном учреждении сотруднику милиции полагается вести себя официально — чопорно и солидно. Все нежности — дома. — Но ты опоздал, Сереженька, я и так тебя заждалась. Потерпи. Ты на голодный желудок понять-то их сможешь?

— А что, собственно, произошло? — Мещерский вслед за ней шел к лифту.

— Сейчас расскажу.

Пресс-центр ГУВД располагался в просторном светлом кабинете: машинки накрыты чехлами, компьютер отключен. Тишь да гладь.

— Все в отпусках — лето. Остались я, Горелов да телеоператор, — пояснила Катя. — Они на брифинг выезд-

ной сегодня укатали. ГАИ проводит по постам Ярославского шоссе. А произошло, Сереженька, вот что. Наши из Управления по борьбе с наркотиками решили тоже ударить автопробегом по разгильдяйству и притоносодержательству. Больше всего их сейчас интересует наркотик героин. А среди его распространителей в области — знаменская преступная группировка. Знаменских героинщиков здорово на той неделе почистили. Прихлопнули четыре притона.

— А сколько сейчас грамм героина стоит? — поинтересовался Мещерский.

— От девяноста до ста условных единиц в КВВ — конвертируемой валюте. Только — шшш-шш! Никому. Так вот. Содержали все четыре притона девицы — подружки «крутых» из ОПГ. За день выручали на четыре-пять тысяч и сдавали в «общак». Самим только на чулки выдавалось лайкровые да на мартини по пятницам, — Катя презрительно сдвинула темные бровки. — Наши стали допытываться: откуда героин? Те сначала кочевряжились, потом признались: брали у негров из Торгового центра в Лужниках. Ну, наши, естественно, туда.

Там представительство фирмы по экспорту кофе из Республики БОЛЕ. Белозубые менеджеры в ослепительной фланели от Ферре. Ничего, мол, про наркоту не знаем, торгуем мы в России кофе. А если желаете нас допрашивать, ни по-русски, ни по-английски показаний давать не будем, а будем беседовать только на родном. Я вот записала, какой он у них, — она раскрыла блокнот, — язык народности барба. Это с ума сойти просто! А по закону мы обязаны предоставить им переводчика, знающего именно их *родной* язык. Ну, наши, естественно, приуныли. А я... я сразу вспомнила про тебя. Ты на этом барба говоришь?

Мещерский, некогда с отличием закончивший Институт Азии и Африки имени Патриса Лумумбы и почти восемь лет проработавший на Ближнем Востоке и в Северной Африке, раздумчиво почесал подбородок.

— Боле — это бывший Невольничий Берег, там сложная языковая группа: восемь диалектов, у каждого племена — свой.

— Они людоеды, да? — Глаза Кати сверкали любопытством.

— Да нет, с чего ты взяла? Все это сказки глупые. Язык

барба, конечно, сложный, но, думаю, понять я их сумею. В случае чего объяснимся на родственных диалектах. К тому же суахили всегда выручит. Ладно. Попробуем.

Катя поднялась.

— Тогда идем. Они у Петрова в кабинете.

Мещерский шел по коридору главка, застеленному красной дорожкой. Осматривался: все чин-чинарем, как и полагается в солидных учреждениях. Навстречу попался народ — все больше офицеры в милицейской форме с папками и бумагами. «Присутственный» день — в кадры, в ХОЗУ, к начальству приезжают ходоки из районов. Вот мимо прошла группа бравых парней в тельняшках и камуфляже из комендантского взвода, за ними еще какие-то — еще выше, еще плечистее. Мещерский оглядел их и надменно выпятил грудь. Ишь ты, баскетболисты!

— У нас соревнования намечаются областные по боевой и физической. Самые-самые идут, — пояснила Катя, — Горелову репортаж придется писать с физкультуриветом.

— А Колосов где? — поинтересовался Мещерский и улыбнулся в черные усики.

С Никитой Михайловичем Колосовым — начальником отдела уголовного розыска по раскрытию убийств и тяжких преступлений против личности — Мещерский в близком знакомстве не состоял, однако наслышан о нем был много. Однажды они едва не встретились, когда судьба подкинула им всем один странный и загадочный случай.

— Он в районе с утра. Сегодня день ужасный. Убийство какое-то в Каменске. Все туда уехали. Я ничего пока не знаю, только слухами питаюсь. В сводку пока не дали. Что-то нехорошее там, — Катя закусила губу.

— Когда убийство хорошим было? — Мещерский вздохнул. — Этот кабинет, да? — он толкнул дверь. — Здравствуйте.

Из-за стола стремительно поднялся полный молодой мужчина. Волосы его отливали медью, круглое лицо испестрили веснушки. Улыбка у него была приятной, взгляд — быстрым и внимательным.

— Добрый день, проходите. Спасибо, что откликнулись. Сергей Юрьевич, да? Мне вот Екатерина Сергеевна говорила, — он крепко пожал Мещерскому руку. — Что бы мы без вас делали? Знатоков таких головоломных языков

днем с огнем не сыщешь. А нас закон по рукам-ногам спутал: кровь из носа — достань им переводчика с *родного*. Катя вас ввела в курс дела?

Мещерский кивнул.

— В общем, разговор пойдет о наркотиках, Сергей Юрьевич. О героине. Но для разминки поговорим вначале о кофе, о налогах, госпошлине и таможенных тарифах. Это не слишком сложно будет?

— Ну, в языке барба некоторых подобных слов, я думаю, просто нет, — сказал Мещерский. — Но попробуем кое-что спросить на аджа, кое-что на фульбе — это родственные диалекты. Думаю, пойдем друг друга.

— Тогда в бой. «Шоколадки» в соседнем кабинете маринуются. Там представитель фирмы и двое тех, на кого нам девчонки указали как на поставщиков героина. С каждым будем беседовать отдельно, с глазу на глаз.

И они беседовали и на языке барба, и на фульбе, и на аджа. Петров задавал вопросы, Мещерский переводил, а трое щеголеватых, надушенных и не в меру веселых уроженцев бывшего Невольничьего Берега по очереди отвечали.

Катя тихонько заглянула в кабинет: беседа длилась вот уже третий час. По лицу Петрова видно, что он вконец обалдел от этих гортанных вопросов и щелкающих ответов на тарабарском языке, в котором он ну ни черта не понимал!

— Что он сказал? — поминутно спрашивал он Мещерского. Тот с каменным выражением лица, точно Будда Невозмутимый, переводил.

— Сергей Юрьич, пожалуйста, скажите ему: я не удовлетворен беседой. В понедельник в одиннадцать им придется приехать сюда же в Следственное управление к следователю Седовой Лидии Борисовне. А вы сами-то сможете в одиннадцать?

Мещерский тяжело вздохнул.

— Только к двум я должен быть свободен.

— О чем разговор! Я и так у вас в неоплатном долгу! Но — сочтемся, — Петров подмигнул. — Банька, рыбалка, охота в Подмосковье. Все за нами — только скажите когда. Если мы эту банду международную зацепили да наших «бичей» из Знаменска к делу подколем, то... в ножки вам поклонюсь!

Мещерский вежливо улыбнулся и снова заговорил на языке барба.

Негры слушали родную речь с интересом. Изредка одобрительно цокали языками. Затем один — самый главный — встал и обратился к Петрову с длинной прощувственной речью.

Катя прикрыла дверь и вернулась в пресс-центр. Вечер на дворе, а они никак не угомонятся. Зато материал первоклассный. Она из этой операции конфетку сделает. Так распишет, так... «Щупальца Невольничьего Берега», «Нити знаменской мафии тянутся в страну Лимпопо».

А «шоколадки», ишь ты, как окрылились — героин к нам прут. Мало нам своей заразы! Однако забавный народ! — она усмехнулась. Дело уголовщиной пахнет, а вид у них такой, что, кажется, стукни тамтам — сразу в пляс пустятся. Африка — загадка для европейцев.

Ей вспомнился эпизод из далекого прошлого: фестиваль молодежи в восьмидесятых. Катя — тогда студентка юрфака МГУ — работала на фестивале переводчицей. Английский у нее был приличный, и ее прикрепили к группе австралийских студентов, разместившихся в гостинице «Берлин». Славные были ребятки, эти австралийцы. Душевные и простые. Пить только любили.

В клубах различных землячеств они, помнится, знатно тогда повеселились. И в клуб «Франция — СССР» нанесли визит. А председателем его был тогда Вадим Кравченко — молодой и красивый сотрудник КГБ (в те времена это тщательно скрывалось).

Нет, с Вадей они познакомились не на фестивале. Это произошло гораздо позже. Когда они и не подозревали о существовании друг друга.

А в том клубе ее подопечные австралийцы познакомились с делегацией из Ботсваны — расцеловались, поклялись в вечной дружбе и выпили на брудершафт. А на следующее утро ботсванцы завалились в гости в «Берлин». Хотя в то лето в Москве стояла такая жаркая погода, как на их родном экваторе, ботсванцы тщательно кутались в шерстяные кофты, носки и гетры. На одном, самом модном, даже красовалась лыжная шапка с помпоном.

Как давно это было. Словно сон... И фестивалей нет, и «Берлин» перестроен и переименован в «Савой»... Но Африка, Африка все та же. Эти весельчаки, однако, цену

героину знают, и на легкую победу над ними рассчитывать не приходится.

Катя откинулась на спинку стула. День сегодняшний какой-то бесконечный. От машинки она не отрывалась с утра — репортаж делала, потом решала филологические проблемы Петрова, потом... И это убийство в Каменске... Что же там такое произошло?

Позвонила приятелям своим старинным — Сергееву — начальнику Каменского ОУРа, а тот еще даже не возвращался. Целый день на происшествии.

Ира Гречко — закадычная подруга и старший следователь — вообще ничего не знает. И в сводке ни словечка. Что же там стряслось? Кого убили-то? Почему все так секретно? Надо узнавать. Иначе грош тебе цена как сотруднику пресс-центра, Екатерина Сергеевна...

Хлопнула дверь. Вошел Мещерский. Измочаленный и несчастный.

— Все. Умереть — уснуть. Меня доконали. Сейчас этот колониальный вождек толкнул такую речугу — мы с Петровым едва живы остались. Там одних эпитетов восемнадцать, и все в осуждающем тоне. Я упаду, усталый, голодный и небритый, у ваших ног, Екатерина Прекрасная. Неужели вы не спасете меня?

Она уже энергично собирала вещи.

— Тебя спасет кусок жареного мяса. Ужинать пора.

Скорбный лик знатока языка барба просиял.

— Так почему, значит, грамм героина и каково его действие на нетвердые умы? — поинтересовался он.

Катя только махнула рукой.

Глава 2

ДВА УБИЙСТВА В ОДНИ СУТКИ

Тот, кому никогда не доводилось выезжать на место происшествия, узрев выражение лица Никиты Колосова, начальника отдела убийств, и услышав его смачные непечатные восклицания в ответ на сообщение дежурного: «В лесном массиве у железнодорожной станции Новоспасское обнаружен труп женщины в возрасте 70 лет», — подумал бы, что перед ним — самый черствый и непро-

биваемый сыщик на свете. Лицо Колосова выражало крайнее раздражение, а изрекал он мрачные и многообещающие ругательства по неизвестному адресу. Сутки начинались просто ненормально: в 8.30, когда он после дежурства по главку только-только собирался ехать домой, заявили об убийстве мальчика на свалке в Каменске. Теперь же, когда он с ребятами уже подъезжал, пробиваясь через грандиозную пробку на Новом шоссе, к этому подмосковному городку, дежурный по рации передал еще и об убийстве старухи в Новоспасском.

На оба места происшествия Колосову требовалось ехать лично, это было просто необходимо. Убийство в Новоспасском сулило много неприятностей — он уже чувствовал это всеми печенками. Опять чертовщина какая-то. Неужели снова встретимся там с...

Колосов кусал губы, крутил руль, пытаясь втиснуть отделовские «Жигули» в образовавшуюся щель между воняющим соляркой бензовозом и рейсовым «Икарусом». Справа и слева ему возмущенно сигналили. Майор даже не удостоил наглецов взглядом.

А убийство мальчика? Там тоже ситуация аховая, даже те скудные факты, что передал дежурный, говорят о многом. И вот надо быть сразу в двух местах. Обязательно надо. А тут — хоть разорвись! И эта пробка еще...

— Мы почти уже приехали, — подал голос Владислав Коваленко — старший оперуполномоченный Никитинского отдела. Они с Колосовым были одногодки, обоим исполнилось по тридцать четыре года. Оба носили на погонах майорские звезды. А посему считались *стариками*: более половины сотрудников «убойного», как его называли на главковском сленге, отдела составляли энергичные, настырные и наивные лейтенантики от двадцати двух до двадцати пяти.

— Никит, тут прямым ходом по улице Новаторов пятнадцать минут. Это Шанхай местный, трущобы. Они от шоссе до самой Братеевки тянутся, — пояснил Коваленко. Он был родом из Каменска. — Хочешь, двигай с ребятами на своих двоих, а я машину попытаюсь вытащить из толчеи. Тут мне до моста надо только дотянуть, там поворот под эстакаду. Я к вам подскочу.

Колосов открыл дверь машины, вышел, огляделся. Впереди, сзади, в первом ряду, в третьем — грузовики, легковушки, автобусы. Вон «Скорая» застряла: мигалка све-

тит, а толку! Эх, люди, — «рожденный ползать летать не может».

— Ладно, Слава, мы пошли, — сказал он, — свяжись по радию с Борисовым. Скажи, я закончу здесь и сразу поеду в Новоспасское. Пусть там сами пока работают, но... В общем, скажи: я все равно туда приеду.

— Да тут недалеко, — ободрил Коваленко. — Это ж наше дачное место. Тут езды минут двадцать по шоссе.

— По такому? — спросил Никита мрачно, указав на дорожную пробку, хлопнул дверью «Жигулей» и в сопровождении двух оперативников начал протискиваться между нагретыми солнцем капотами к тротуару автобусной остановки.

Улица Новаторов, заросшая липами и бузиной, вилась по окраине Каменска. С давних пор место это называлось «Шанхай». Здесь доживали свой век старые бревенчатые бараки, некогда предназначенные для пленных немцев, работавших на постройке шлюзов на Московском водоканале.

Сейчас бараки разрушались. Сквозь выбитые в незапамятные времена стекла лезли внутрь сырых сумрачных помещений ветки ольшаника и барбариса, пышно разросшихся в некогда ухоженных и обустроенных военнопленными палисадниках. Дощатые полы прогнили и провалились, сквозь зияющие дыры проросли крапива, лопухи да чертополох.

В стороне от Шанхая, за шоссе располагался микрорайон новостроек. Там кипела жизнь, туда переселился последний обитатель улицы Новаторов. А здесь... здесь все было в прошлом.

Спуск к водоканалу, некогда укрепленный бетонными блоками, обветшал. Старой искрошившейся от времени лестницей из светлого песчаника давно уже, кроме кошек да воробьев, никто не пользовался. Одни грелись на солнце на старых плитах, другие — чирикали, дрались. И тем, и другим никто не мешал. Старые дуплистые липы скрипели, роняя листву на изъязвленные ямами и выбоинами тротуары.

Улица Новаторов упиралась в овраг, отгораживавший заброшенную свалку и служивший естественной границей старого Каменска. Овраг этот старожилы обходили стороной. Издавна это было любимое место собачьих свадоб. Со всех концов города в определенные дни сюда

устремлялись стаи бродячих псов — рылись в отбросах, затевали яростные турниры. Всякий пришелец — будь то человек или животное — встречался ими как кровный враг. Днем собак почти не было видно, зато по ночам, особенно в полнолуние, их вой оглашал пустынную улицу, вгоняя в холодный пот случайно забредших на свалку бомжей и пропойц.

До свалки Колосов и его сотрудники добрались действительно быстро.

— Тебе стометровку бегать, Михалыч, — пыхтел Вася Славянкин — низенький крепыш в пестрой рубаше и черных джинсах. В розыск он пришел из армии и все никак не мог привыкнуть ни к гражданской одежде, ни к бешеному ритму новой службы. — Дай отдышаться.

— Сейчас отдышишься, — пообещал Никита.

Они завернули за угол напрочь сгнившей развалюхи с провалившейся крышей и по крутой тропинке, продираясь сквозь заросли каких-то колючек, спустились в овраг.

— Вон и благородное собрание, — Никита указал направо.

Примерно шагах в двухстах от них на дне оврага стоял канаречный «уазик» с мигалкой — дежурная машина Каменского ОВД. Рядом с ним в кустах бузины приткнулся облупившийся «Урал» с коляской. Мотоцикл этот Колосов узнал бы из тысячи. На нем добрый десяток лет ездил старинный школьный кореш, а ныне старший участковый Каменского ОВД Костя Загурский. За кустами мелькнула его милицейская фуражка. Хозяин «Урала» шел навстречу Колосову.

— Здорово, — он протянул Никите огромную, похожую на совок, ладонь. В Загурском было огромно все — от роскошных «фельдфебельских», как он хвастался, усов до начищенных до зеркального блеска сапог сорок пятого размера.

— Чегой-то вы из кустов к нам подкрадываетесь? — спросил он. — Машина, что ль, заглохла?

— Угадал, — Колосов пожал его «пять» своей левой рукой, правую он держал в кармане куртки. Рядом с гигантом Костей он всегда чувствовал себя так, как та мышь, которая породила гору. — Где?

— Там, — участковый кивнул на кусты, — там всё и все. Полный сбор всех частей. Карпыч приехал с чемода-

ном, прокуратура. А ты левой стал, гляжу? Приемчики на ком-то обрабатывал?

Колосов кивнул и двинулся к кустам. Вот уже неделю он предпочитал здороваться именно левой рукой. Правую пришлось облечь в перчатку. На тыльной стороне его кисти внезапно вскочила какая-то гадость: фурункул — не фурункул, язва — не язва. Вид у этой заразы был самый наиотвратительнейший.

«Это у вас экзема, голубчик, — сказала ему пожилая врачиха в главковской медсанчасти. — От нервов все, нервы не бережете, а такой молодой. Насчет заразы не бойтесь, это совсем не опасно. Хотя неприятно... да... вот мазь. Мажьте утром и вечером, но главное — попытайтесь хоть немного эмоционально разрядиться».

Пижонистая кожаная перчатка (это в июле-то месяце!) доводила Колосова до зубовного скрежета — жарко, кожа мокрая, скользкая. А что поделаешь? Он не забыл еще испуганно-брезгливого взгляда молодой женщины в троллейбусе, когда она дала ему талончик, прося пробить, а он пробил и вернул его ей, держа правой рукой *без перчатки*. Нет уж, подальше от таких взглядов! А то еще в лепрозорий загремишь.

За кустами бузины пряталась круглая, сплошь заваленная мусором полянка. Чего там только не было! Консервные жестянки, прохудившиеся чугунные ванны, разбитые унитазы, пустые бутылки, тряпки.словно вырванный зуб великана, белел воткнутый в кучу хлама холодильник с вывороченным нутром. Тут же нашел свой последний покой и остов древнего «Запорожца» — без салона, колес и двигателя — ржавое привидение, порожденное на заре отечественного автомобилестроения.

У «Запорожца» толпился народ. Колосов знал многих. Вон Александр Сергеев — начальник Каменского ОУРа, старичок-судмедэксперт и местный патологоанатом Бодров Лев Карпович, следователь прокуратуры Зайцев, эксперт Сеня Гольцов со вспышкой. Тут же понятые — из дежурных общественных помощников. Толстый рыхлый мужик в спецовке, бледный, потный, потерянный, смотрит куда-то вниз, под несуществующие колеса «Запорожца», второй — парень в спортивном костюме упорно считает травинки у себя под ногами.

Колосов кивнул следователю Сергееву и шагнул вперед. Судмедэксперт Бодров — Карпыч, кряхтя, начал

что-то искать в своем заветном чемоданчике. Никита увидел тело. Маленькие ноги-спичечки в синих, измазанных глиной «трениках» и порыхлых кедах. Маленькие тоненькие руки — синюшно-бледные. Под обкусанными детскими ноготками — грязь, травинки. Ладонки, тыльная сторона кистей, предплечья — исцарапанные, изрезанные, что-то бурое засохло на коже.

Бурое, переходящее в темно-багровое, почти черное, — везде: на траве, на консервных банках, на листьях кустов, на железном боку «Запорожца». Колосов опустился на корточки. Теперь он ощупывал взглядом *лицо*. Восковое, черты заострились. Рот сведен в немом крике. Кончик языка прикушен в непереносимой муке — бурое струйкой засохло на подбородке. Не поймешь: то ли ребенок, то ли старичок, то ли истерзанная мумия.

— Сколько ран? — хрипло спросил Колосов.

— Я насчитал двадцать девять, — ответил Карпыч. — Павел Сергеич, записывайте антропометрические данные. Обмер я закончил, — он протянул следователю листок из блокнота. «Прокуратура» отошла к «уазику» и, положив папку с протоколом на капот, начала сосредоточенно писать.

— Двадцать девять, вот, — Карпыч указал на маленькое тельце, обернув к Никите старое морщинистое усталое лицо. — Шесть проникающих ранений грудной клетки спереди — слева и справа, думаю, повреждены легкие, вилочковая железа, сердечная сумка, сердце, аорта, легочная артерия, — перечислял он глухо. Бодров, проработавший судебным медиком и патологоанатомом Каменской больницы добрых сорок лет, славился среди оперов и следователей тем, что по внешнему виду ранений часто мог весьма точно предсказать их последствия. Первоначальные выводы его почти всегда подтверждались результатами вскрытия. — Три проникающих ранения грудной клетки сзади — слева и справа, думаю, повреждено легкое. Три проникающих ранения живота. Девять колото-резаных ранений мягких тканей поясничной области в районе левого плечевого сустава, правой кисти и в области гребня подвздошной кости справа. Восемь резаных ран в области левого бедра и тазового пояса.

Сзади послышался хриплый вздох. Карпыч осекся. Колосов поднял голову. Толстяк-понятой массивовал сердце под рубашкой.

— Такой малыш, такие муки вынес, такие муки... — бормотал он.

Карпыч полез в чемоданчик, достал пластмассовый баллончик — валидол и протянул понятому.

Подошел следователь, отложил протокол, опустился возле трупа на колени.

— Сколько лет? — спросил Никита.

— Приблизительно девять-одиннадцать. Судя по состоянию тела, давность смерти восемь-десять часов. — Карпыч потрогал землю. — Его убили до дождя.

— Дождь под утро лил, — сообщил Загурский. — Я с сабакой выходил в шесть. Он уж кончался. А начался, видно, часа в три ночи.

— Смерть ребенка, думаю, наступила в результате этих вот множественных проникающих ранений грудной клетки и живота, сопровождавшихся обильным как внутренним кровотечением, так и острой кровопотерей, — сказал Карпыч.

— Кровью истек... — Колосов смотрел на лицо мальчика. Оно напоминало белую маску.

— Подобные повреждения сопровождались сильными болевыми ощущениями. Сильными, да-с... — старик кашлянул и отвернулся.

— А это? — Колосов пристально осматривал тело.

— На первый взгляд признаков насильственного полового контакта нет. Но надо будет окончательно убедиться.

— Загурский, так он точно не с вашего участка? — спросил следователь.

— Точно. Я своих всех знаю, — забасил участковый, — у нас тут с Братеевки, с района новостроек пацаны. Из Лихонина тоже приходят. Этот либо из Заводского района, либо пришлый — с той стороны канала.

— Бродяжка? — Колосов нахмурился. Он разглядывал грязные «треники», старые кеды, клетчатую, превратившуюся в кровавые лохмотья рубашонку. Ну что ж... Мальчик, значит. Худенький. Очень худенький. Давно не стрижен. Белье — он оттянул «треники» и осмотрел трусики и майку — ветхое, стираное, чиненое-перечиненое. Руки — как воробьиные лапки, — шершавые, с цыпками и заусенцами. Нестриженные волосы и руки говорят за бродяжку, а вот белье — против.

— По всем без вести пропавшим проверять немедленно.

но, — распорядился следователь. Начальник ОУРа Сергеев — смуглый, кряжистый, похожий на боксера, только кивал: знаем, мол, сами, не учи ученых.

— Следы-то, — шепнул он, склонившись к Никите, — ливень смыл все. А ведь были следы, место тут топкое, вязкое. Не по воздуху же ОН летал, сволочь!

— Он? Один? — Колосов встал, отряхнул колени.

Сергеев неопределенно пожал плечами. Колосов знал: во всем, что касается организации *первоначальных оперативно-розыскных мероприятий*, на Сергеева можно было целиком положиться. Самое важное узнать, кто такой этот убитый мальчик. Как он попал на свалку? И Сашка узнает, его действительно учить не надо.

Сверху, оттуда, где в овраг упиралась улица Новаторов, резко просигналила машина. Это Коваленко наконец-то выбрался из автомобильной пробки.

— Ты куда, в Новоспасское сейчас? — спросил Сергеев. — Утром сегодня Соловьев звонил. Тоже «обрадовал». Два таких подарочка, а? А говорим — провинция, дачи. Чтoб их! Там что, опять *то самое*?

— То самое. Вроде бы, — Колосов аккуратно очищал грязь с перчатки. За его спиной Загурский и один из каменных оперативников осторожно завертывали тело мальчика в брезент.

— Эх, — Сергеев закусил губу. — Два ведь теперь, Никита, слышь? Ей-богу, ДВА. Я зря не скажу. Тот-то точно. А вот наш...

— Значит, думаешь, опять у нас ОН? Новый?

— Да ты на раны-то посмотри! На раны только. Он его ж ножом всего исполосовал, кровища хлестала, как тогда... Ей-богу, Никита, если б *тот*, — Сергеев понизил голос до шепота, — не сидел там, откуда не сбегают, я б на него подумал. Почерк один к одному.

— Головкин приговора ждет, Саша. Сам же знаешь.

— Значит, мы получили нового и... и... — Сергеев запнулся. — Вам-то наверху, конечно, виднее: мол, первый пока случай в области, но... я по почерку сужу: ЭТОТ на одном не остановится. Этому мало будет. А значит, Никита, надо нам...

— Ну что? — Колосов уже двинулся к машине.

— «Удава-2» запускать, вот что, — выпалил Сергеев. — Не то дождемся. Всего дождемся.

— Ладно. Вернусь — потолкуем. Я с места в морг поеду,

потом сюда. Постарайся, чтобы новости хоть какие-то были, хорошо? Я своих ребят тебе в помощь оставлю. Мы со Славкой там справимся.

Как они ни торопились, а в Новоспасское прибыли к шапочному разбору. Осмотр места происшествия почти закончился. Тело уже увезли.

— Ну и денек сегодня, — посетовал Юрий Соловьев — майор милиции, начальник Спасского ОВД. Каменский и Спасский районы граничили по речке Разлетайке, а дачный поселок Новоспасское был любимым местом отдыха их жителей.

— Личность мы уже установили: Калязина Серафима Павловна. Она, видимо, шла на станцию. Одна. Он ее в кустах вон на той тропинке подкараулил.

— Пенсионерка? — осведомился Колосов.

— Нет, представь себе, несмотря на возраст, работала.

— Где?

— Не поверишь. На зообазе нашей. Вернее, это я по наиву своему считал, что это просто зообаза, — пояснил Соловьев. — Думал, ну, зверюшки разные для продажи, ну, серпентарий — гадюки там у нас однажды по всей территории расползлись. А это, оказывается, отделение «зоо-био» какое-то при НИИ изучения человека. Потерпевшая там старшей лаборанткой работала. У них дежурства ночные при зверях. Обезьяны там, изучают их, опыты проводят. Ну, Калязина после смены возвращалась домой. А ОН, видимо, у платформы караулил. Как тогда...

— Ладно. Пойдем на место взглянем.

Они шли по узкому бетонному шоссе. Справа и слева от него высились корабельные сосны и ели.

— Поселок расположен в полукилометре от станции. База чуть ближе. Мы туда подскочим потом, там вся территория забором обнесена, пропускной режим, — рассказывал Соловьев. — Она, видно, торопилась на электричку 9.20. Тут в это время как раз безлюдно. Дачники на работу восьмичасовыми едут. А отпускники дрыхнут еще. Утром по бетонке вообще мало кто ездит. И магазины все в поселке, и лавка молочная, а тут — жилья нет до самой Братеевки. Она, значит, шла одна. Вот здесь, смотри, — Соловьев указал на едва заметную лесную тропку, веду-

щую в тенистый ельник, — если здесь свернуть, можно выйти на станцию прямо к первому вагону — к Москве. Калязина не хотела там по вокзальному перрону путешествовать, решила время себе здесь сэкономить. Вот и сэкономила. Тут она шла. Мы ее следы сфотографировали. Земля-то влажная после ливня. А вот здесь все и произошло.

Впереди на тропинке стоял милиционер в бронежилете из патрульного взвода. Их подняли по тревоге для прочесывания местности.

— Камень нашли, — сообщил он. — В лужу его зашвырнули.

Чуть поодаль кучковались члены опергруппы. Слишком молодой для своей профессии прокурорский следователь, больше смахивающий на студента-первокурсника, паковал в целлофан ребристый заостренный булыжник внушительных размеров. Колосов подошел к нему. Поздоровался.

— Разрешите взглянуть. — Взял камень в руки, взвесил. На кило потянет.

Черт! Снова *этот* камень. Грубо обколотые края. Кровь, прилипшие волосы...

— Здесь поблизости можно такой найти? — спросил он у Соловьева.

— Вполне. Там, у самой станции, насыпь укрепляют. И щебенку привезли, и шлакобетон.

— Но это не щебенка и не бетон, — заметил следователь. — Это настоящий булыжник.

— Участок со следами вон там впереди, — Соловьев повел Никиту дальше. — Это ее следы. Босоножки, размер тридцать пятый, старушка маленькая была. Здесь она чуть в грязи не увязла. А он ждал ее в кустах. Там осока по колено, примял траву. Видимо, пропустил ее и напал сзади.

— Значит, его следов нет? — Никита хмурился. — Никаких?

Вместо ответа Соловьев повел его по скользкой траве.

— Вот отсюда он сделал прыжок к ней. Тоже поскользнулся, видимо, поскользнулся. Слепок уже есть. Гипс вот только что-то некачественный попался.

Колосов смотрел на влажную темную землю у себя под ногами: перед ним был смазанный, наполненный выступившей дождевой водой отпечаток БОСОЙ ступни.

ЦАРСТВО ОБЕЗЬЯН

— Обнаружили ее пассажиры электрички. Как раз в 9.55 московская прибыла. Дачники и наткнулись на тело, — рассказывал Соловьев, пока Никита осматривал вещи Калязиной. — Позвонил нам станционный сторож. Мы роту подняли по тревоге, лес начали прочесывать. У этого ублюдка было в запасе минут сорок между электричками, вот и получается, что...

— Что получается? — спросил Колосов с плохо скрытым раздражением.

— Что путей отхода у него могло быть только два: либо он сел на ту самую электричку 9.20, на которую так торопилась Калязина, и сразу же укатил в Москву, либо побегал в поселок. Если принять за основу вторую версию — он наш, местный: или дачник, или кто-то с зообазы. И находится до сих пор здесь.

— Легкий путь, Юра.

— Легкий, да, — Соловьев тяжело вдохнул. — Это как в сказке. Но... ты как хочешь, Никита, но не могу я его представить босого, перемазанного грязью, а может, и чем похуже, в электричке! Не могу, понимаешь? Это ж полный дурдом. И вообще, — он помолчал. — За каким чертом он *разувается перед этим*? В Брянцеве он тоже босым бегал, да?

— Он... — Колосов вертел в руках связку ключей, извлеченных из сумки Калязиной. — Я сегодня это слово слышу в двадцатый раз. Никаких ассоциаций, усек? Никакого воображения у меня уже не осталось. Я не знаю, для чего он это делает. Не знаю.

Он молча осматривал сумку: недавно купленная, вместительная, из пестрой плащевки на «молнии» (такие старухи почему-то особенно любят). В сумке — две газеты: «Аргументы и факты» и «Вечерка», старый перетянутый резинкой зонтик, стиранные гольфы в пластиковом мешочке, пакетик с лекарствами: валидол, глазные капли, очечник (она постоянно носила очки, они упали в траву, когда ОН сбил ее с ног) и выдавшая виды косметичка — бархатная, расшитая бисером. Никита раскрыл ее. Косметичка, как и все в этой сумке, хранила запах хо-

зайки: смесь валерьянки, мяты, нафталина, крепких дешевых духов — все, чем пахнут молодящиеся старушки.

Одну за другой он вынимал вещи: проездной «сезонка», картонный пропуск в НИИ, огрызок черного карандаша для подводки бровей, остатки польской помады коричневого цвета. В кошельке обнаружили деньги: купюра в пятьдесят тысяч и гремучая тяжеловесная мелочь, пластиковые жетоны на метро...

— Значит, полтинник внимания его не привлек. — Соловьев взял у Никиты пропуск, посмотрел фото Калязиной — кругленькая очкастенькая аккуратная старушка. — Равно как и ее сережки с фианитом, у моей бабки, кстати, такие же были, и колечко с синим камушком неизвестного происхождения. Дешевка, конечно, но если бы это был просто бродяга, бомж — не побрезговал, забрал бы все подчистую. Этот же не грабил, он... Он и прежде ведь не грабил, а?

Колосов положил вещи в сумку. Вместо ответа спросил сам:

— Сколько времени он, по-твоему, находился возле нее?

Соловьев, прищурясь, посмотрел на солнце, пробивающееся сквозь плотную листву нависшей над тропинкой липы.

— Достаточно, чтобы снять с себя и с нее штаны. Минут семь-десять. Однако этот оригинал белья не трогал. А вот что он делал...

Ей было нанесено четыре удара. Медик сказал, двумя он оглушил ее, сбил с ног, затем бил уже лежащую. Потом зачем-то поволок тело вперед, не в кусты, заметь, а, наоборот, — из кустов, на видное, солнечное место. И тут снова ударил. Я думаю, он как-то манипулировал с ее телом — может, ощупывал, гладил. Эти, с завихрениями насчет стариков, часто так поступают. Однако вступить в половой контакт не пытался. Ее одежда на этот счет — в порядке. Потом он ударил ее еще раз.

— Значит, всего было шесть ударов? И все по голове?

— Эксперт так сказал, следователь записал. Других повреждений на теле вроде нет. А эти по брызгам крови на кустах установили, по частицам мозгового вещества. — Соловьев сморщился, приподнял фуражку и вытер лицо платком. — В общем, он обращался с ее головой, точно с орехом. Грецким. Долбил, долбил. И все камнем,

все камнем... Видишь, там след волочения на земле? Он тащил ее за кофту, а сам шел все время по траве: примял ее здесь и здесь. А след оставил нам только один. Тот, что ты видел только что. Визитную карточку свою — лапу заднюю. Дерьмовый след, Никита. Никакой идентификации там не получится. Я хоть не эксперт, а сразу скажу — в пролете мы снова.

Колосов молчал. Потом спросил:

— Проческа дала что-нибудь?

— Нет. Впрочем, когда она давала? — Соловьев криво усмехнулся. — Дирижабль улетел — ту-ту. Наши сейчас поселок трясут. Бродяг ищут в лопухах, нарушителей *наспортно-визового* — ну, все как обычно в таких случаях. Только даже если они притащат мне сейчас за шкирман *синяка* без алиби — я все равно не поверю, что это ОН. Понимаешь, Никита? Не поверю я в это!

— Ладно. Верю — не верю, как на ромашке. Пойдем переговорим с теми, кто ее обнаружил, потом на зообазу заглянем, — сказал Никита.

— Двоих свидетелей из дачников мы опросили и уже отпустили. Сейчас можно со сторожем побеседовать и с мужем кассирши станционной. Их дом прямо рядом с путями. Он со смены из Москвы возвращался. Считай, первый Калязину и увидел. Хороший мужик, я его знаю.

Колосов поднял бровь.

— Хороший? Он точно на той электричке ехал?

— Точно, — Соловьев снова усмехнулся. Теперь как-то печально. — Другие пассажиры это подтвердили железно.

До станции они дошли тем самым путем, который выбрала для себя Калязина, — миновали сырой душный тоннель, проложенный в зарослях бузины, орешника и крапивы, и вышли к перрону к «головному» вагону в сторону Москвы. Здесь к старой развесистой березе на лужайке одуванчиков лепилась бревенчатая будочка, где коротали время станционный смотритель и кассирша.

Сторож-смотритель — седоусый краснолицый старик в тельняшке и защитных диагональных брюках — сразу видно, отставник армейский, рассказывал взволнованно, но лаконично:

— Пассажиры с ясногорской электрички сошли, ну и в лес, к дачам своим врассыпную шуганули. Потом, гляжу — двое назад бегут: Васильич — муж Ольги нашей — и

какой-то в очках с рюкзаком. Женщина убитая, кричат, звони в милицию. Вы к Васильичу непременно идите. Я-то с их слов знаю, а он об нее, сердешную, споткнулся.

— В промежутке между московской и ясногорской электричками никто из лесу не появлялся, не заметили? — Никита спросил это чисто машинально, *для порядка*.

На то, что бдительный свидетель тут же выложит ему приметы подозрительного субъекта, привлекшего его внимание странным поведением, он перестал надеяться уже на второй месяц службы, когда схлынул тот детективный восторг, который окрыляет новоиспеченного опера — бывшего курсанта Высшей школы милиции, когда ему дают первое самостоятельное дело (для Никиты это было добрых двенадцать лет назад — словно в небывалой, сказочной жизни, называемой юностью).

— Да я, товарищ родной, будку красил. Трансформатор видите? — сторож ткнул обкуренным пальцем куда-то за сторожку. — Краску ацетоном разводил, потом бордюр от лопухов очищал — на карачках елозил. За перронном-то я и не следил. И какие в это время пассажиры? Наши все до восьми еще уехали, кто на работу. А для дачников рановато.

— А народ с зообазы когда начинает подтягиваться?

— Да когда как, — сторож пожал плечами. — А если по правде, тот народ мало на электричках ездит. У них машина из Москвы ходит со жратвой для живности. Ну, все к ней и пристраиваются. Какие там работают, те вообще редко ездят, живут при зверях своих. Да и народу там с гулькин нос осталось. Вы вон к Васильичу идите, он кой-кого на базе знает. Сено им в прошлом году возил и в этот раз вроде подрядился.

Васильич — муж кассирши Ольги — щуплый, сожженный солнцем мужик — колол во дворе дома дрова. Увидев Соловьева, он отпер калитку, загнал в будку рвавшуюся с цепи здоровенную кавказскую овчарку, впустил гостей в заросший яблонями и вишнями садик.

— Юрий Иванович, приветствую. Заходи, присядь в холодке.

— Здравствуй, Петр Васильевич. Это вот товарищ из главка нашего, будь добр, перескажи ему, как ты эту старушку обнаружил. — Соловьев сел на врытую под яблоней скамейку. А Колосов прислонился к стволу яблони:

прямо перед его лицом висели на склоненных ветвях зеленые неспелые плоды. Васильич отложил топор.

— Ну, сошел я, значит, с ясногорской. Народ кругом. Пути перешли и...

— А чего ты не домой, а на тропинку вместе с дачниками отправился? — спросил Соловьев быстро.

— Деркуну не доложишь?

— Могила — ты меня знаешь. Деркун — это наш лесничий, — пояснил Соловьев Колосову.

— Березу я себе одну облюбывал, Юрий Ваныч. О-он там, — Васильич мотнул головой в сторону леса. — Подгнила она, все равно до первой бури стоит. Ну и хотел пойти прикинуть, с какой стороны лучше валить. Березовые дрова у меня кончились. А без них как? И банька не та, парок не ароматен. И шашлычки, и печка... В печке еловые-то стреляют, опять же — искры. А березовые ровно горят. Уголь от них хороший, зола — огород удобрять, словом, нужна береза мне. Ну, пошел я, значит, по тропе. Гляжу — впереди пестрое что-то. Ба-атюшки, женщина лежит в грязи. Думал сначала — пьяная или плохо стало. Подскочил — а ейная голова вся в лепешку расплющена. Кровищи!

— Вы тело не трогали? Не перемещали его? — спросил Никита.

— Ни-ни, что вы! Дачники, что сзади шли, подоспели. Ну, крик, шум. Звонить побежали в милицию.

— Среди этих дачников *босых* не было? — задал новый вопрос Колосов. — Ну, может, кто купаться шел — ребята, молодежь?

— Нет. Да что в нашем лесу босому делать? — удивился Васильич. — Эвон крапива какая. Сучья опять же. В сапогах шли резиновых — видел, а босых — нет.

— Так, выяснили. Вы, говорят, на зообазу сено поставляете. Там у них стадо, что ли? Коровы? Кому сено-то заготовливают?

Васильич ухмыльнулся.

— Корова-то у меня. Личная буренка. А у них там полезного скота — кошка да собака. Остальные экзотические. А сено для обезьян.

— Едят, что ли, они его? — спросил Соловьев с удивлением.

— Фиг их знает. Может, и едят. Вроде на подстилку —

утеплять, а там — неизвестно. Я привезу на тачке — завхозу ихнему сдам и не интересуюсь — что, как.

— А кроме завхоза, вы кого-нибудь там знаете? — Колосов протянул руку, влекомый желанием сорвать яблоко, но сдержался. — У вас вот сад хороший... С базы никто фрукты-овощи не покупает?

— Им моих овощей не требуется, — Васильич поддернул штаны. — Им машинами это добро привозят. Опять же для обезьян. Нешто там учтут, сколько *те* съедят, сколько *эти*.

— Кто те и эти? — переспросил Никита.

— Ну, волосатые в клетках и эти в белых халатах — хозяева ихние. Обезьяна — она и есть обезьяна, рази скажет, сколько яблок да огурцов ей положили? Ну, значит, умные люди и пользуются. Берут себе. А со змеями вообще просто. Они ж твари молчаливые. Пить-есть не просят. Так что, — Васильич усмехался во весь рот, — мои овощи и мое молочко на базе не надобно. Я вон дачников отовариваю.

Молочком от «личной буренки» он их угостил напоследок. Парное, пахнущее духом июльских трав, отменное молочко. Колосов не пил такого с «Вышки» — курсантами они каждое лето работали в подмосковных колхозах, помогали с грехом пополам, а потом барствовали на колхозной ферме.

— Березе, Васильич, дай все же упасть, — сказал Соловьев на прощание. — Не конфликтуй с лесничим, нечего вам делить. Гроза будет — разживешься буреломом, и проблем никаких.

Муж кассирши выслушал совет милиции, *намотал на ус*, но остался при своем мнении.

К воротам базы они подошли в начале третьего часа. Солнце пекло немилосердно. Колосов взмок. Перед ними высились массивные ворота — железные, выкрашенные зеленой краской. Забор бетонный, наверху — колючая проволока. Базе, как пояснил Соловьев, принадлежала территория в несколько гектаров. Только небольшую часть ее занимали постройки, остальное был лес и лес.

Начальник Спасского ОВД по-хозяйски громыхнул кулаком в ворота, пробурчав комично звучащую в его устах бессмертную фразу Винни-Пуха: «Сова, открывай, мед-

ведь пришел». После короткого разговора со сторожем (или кто он там был) одна из створок бесшумно приоткрылась. Их впустили. Открывал ворота молодой парень в пестрых шортах до колен и майке «Монтана». Выглядел он растерянным: круглые очки его в тонкой серебристой оправе запотели. На курносом носу тоже, словно бисеринки, поблескивали влажные капельки.

— Вы из милиции? — спросил он, тревожно уставясь на форму Соловьева. — А участковый уж минут двадцать как ушел. Мы уже знаем про бабу Симу. Ужас, какой же ужас!

— С участковым мы разминулись, — ответил Колосов. — Ну, ничего. Вас как величают?

— Евгений... Жень.

— Жень, будьте добры, проводите нас к вашему начальству. Кто тут всем хозяйством заведует?

— Вообще Ольгин. Александр Николаевич Ольгин. Он завлабораторией. Но его нет. Сейчас вот только Олег Званцев. Он в первом секторе, я вас провожу. Идемте.

Вслед за Женей-очкариком они направились по усыпанной гравием дорожке, лавируя между подстриженными кустами сирени и жасмина. Зообазы, которую Колосов представлял себе неким подобием зверинца — чугунные клетки и тухлый запах навоза, — походила, однако, на хорошо ухоженный английский парк. В зелени кустов прятались невысокие строения: нечто стеклянное, смахивающее на теплицу, кирпичная дачка с верандой и какой-то длинный закрытый ангар.

— Вы кем работаете? — спросил очкарика Соловьев.

— Я *подрабатываю* лаборантом. А вообще я на биофаке преподаю. Вернее, — щеки Жени вспыхнули, — буду только с нового семестра преподавать.

— В прошлом году университет окончили? — Колосов улыбнулся.

— Ага. Вот только сейчас вакансии на кафедре открылась. Да и то! — парень махнул рукой. — Нашим трудно устроиться стало. Денег нет совсем: лаборатории закрываются, программы свертываются. Это вот хозяйство пока держится, и то благодаря только Александру Николаевичу.

— Много сотрудников здесь? — поинтересовался Никита.

— Что вы! Осталось нас мало, но мы в тельняшках.

Сейчас вот без бабы Симы еще меньше, — Женя отвернулся. — Тут только программа Ольгина финансируется. По старой памяти, так сказать, а так! — Он внезапно остановился. — Это ограбление? Серафиму Павловну ограбили, да?

Колосов молча кивнул: пусть пока обсуждается версия ограбления.

— Но это же беспредел! — очкарик яростно затряс головой. — Среди бела дня, в людном месте! Куда милиция смотрит!

— Куда надо смотрим, — буркнул Соловьев.

— Я не имею в виду вас. Простите. Но это же просто беспредел. Полный. Их сколько было? Ну тех, кто напал на бабу Симу, — двое, трое? Это хулиганы, бродяги, да?

— Мы имеем несколько версий происшедшего, — ответил Колосов уклончиво. — Сектор первый здесь? — он указал на подобие теплицы.

— Нет, нет. Там серпентарий. Нам не туда.

«Слава богу», — Колосов едва не перекрестился. Он не выносил змей. Даже по телевизору их не любил смотреть.

Однажды, купаясь в Оке в Озерах, увидел в плавнях ужа. И ведь точно знал — уж это, брюхо желтое, а в воду потом залезть уговаривал себя битых два часа!

— Яд, что ль, вы тут добываете змеиный? — полюбопытствовал Соловьев. — Змеи-то зачем?

— Да для разного. Опыты, — ответил Женя.

— Опыты! Вы тут осторожнее. В прошлом году расползлись ваши гадюки, чуть район мне не перекусили. План «Сирену» хотел вводить.

— Ну, за территорию-то только два ушли. И то — *полосы*, — беспечно сказал лаборант. — А ядовитых они сами тут переловили.

— А есть сильно ядовитые? — насторожился Соловьев.

— Смертельно. — Очкарик взглянул на сотрудников милиции свысока: знай, мол, наших.

Когда они проходили мимо кирпичной дачки, из открытой двери донеслось тревожное попискивание зумера.

— Ой, таймер сработал, — спохватился лаборант. — Мне аппаратуру надо срочно переключить. Вы идите во-

он по той дорожке. Там летний обезьянник. Званцев там сейчас. А я вас догоню через секунду.

Колосов и Соловьев обогнули ангар и вышли на небольшую заасфальтированную площадку. К задней стороне ангара лепились клетки с решетками. Вид их наконец-то напомнил Никите долгожданный зоосад.

Две крайние клетки справа пустовали: внутри все чисто, убрано, вымыто. Они пошли мимо клеток к еще одной дачке — бревенчатой избушке с резным крыльцом и наличниками. Дверь ее была распахнута настежь. Ветер колыхал белую марлю, спасающую от комаров и мух. Третья клетка справа тоже пустовала. В углу ее красовалось толстенное поваленное дерево с корявыми сучьями. С потолка на длинном резиновом канате свисала автомобильная шина. Она раскачивалась — словно кто-то всего несколько секунд назад забавлялся на этой самодельной «тарзанке».

А вот из следующей клетки на Колосова смотрело... розовое морщинистое лицо. Это было столь неожиданно, что Никита подошел почти вплотную к прутьям решетки. Обитатель клетки был меланхоличен и волосат — черная обезьяна-шимпанзе, удивительно смахивающая на старого гнома из сказки.

Шимпанзе по-бабьи подпер голову кулаком, пригрюнился и внимательно и скорбно изучал стоящего перед ним начальника отдела по раскрытию убийств. Сделав собственное заключение о его внешности, шимпанзе вытянул губы трубочкой, издав разочарованное «у-у-у».

— Ох, ты, приятель! Какой ты, брат, серьезный, — Никита невольно протянул руку к прутьям.

— Не надо подходить к клеткам! — раздался за его спиной тревожный окрик.

Эхом ему из *камер* (так Никита по привычке окрестил жилища обезьян), расположенных за клеткой грустного шимпанзе, ответило настороженное уханье, а затем пронзительный визг — словно гигантской ножовкой водили по стеклу.

Молодой человек — невысокий, толстенький, в белом халате и детской панаме в голубой горошек — быстро спуускался с крыльца, направляясь к сотрудникам милиции.

— Вы кто? Что вам здесь нужно?

Колосов представился.

— А, ясно. Очень приятно. Вернее, предпочел бы познакомиться с вами в другом месте и при других обстоятельствах, но... Званцев, Олег. — Он протянул короткопалую загорелую руку, заклеенную в нескольких местах полосками лейкопластыря.

Колосову было неловко здороваться рукой в перчатке. Он протянул Званцеву левую. Тот крепко пожал ее и заметил:

— Правая травмирована?

— Нет. Вернее, да... дрянь какая-то, — Колосов поморщился.

— Снимите, я взгляну. Да снимите же! Разве можно в такую жару в коже ходить! Вы так только все усугубляете.

Никита с удивлением отметил, что он послушно стягивает перчатку.

— Да, экзема, — Званцев бережно осмотрел руку. — Выбросьте вы эту перчатку. Вы что, вратарь, в самом деле? Мазь вам врач прописал?

— Прописал.

— Так лечитесь. А руке дайте дышать. Пусть ее ветром обдувает, солнышком сушит. А в перчатке только хуже.

Никита спрятал перчатку в задний карман брюк.

— Новости плохие, я понял, вы, Олег, уже знаете.

— Знаю. Участковый приходил, — Званцев тяжело вздохнул. — Я живого участкового впервые видел. До этого только Анискина по телевизору. Вы меня, конечно, извините, но то, что произошло с Серафимой Павловной, — это полный беспредел, чудовищный беспредел.

— Слыхали мы про беспредел, — Соловьев нахмурился и сразу стал похож на бодливого бычка.

— Здесь же дачное место, сорок пять километров от Москвы, а не тайга глухая! Я здесь уже три года работаю — ничего подобного никогда не было!

— Вот. А говорите — беспредел. Единичный случай, — свернул Соловьев.

— Юра, погоди, — остановил его Колосов. — Давайте-ка по порядку. Где мы можем спокойно поговорить?

— Хотите, ко мне пойдём, — Званцев кивнул на избушку. — Живу там и бумажки свои пишу, а если жарко под крышей — можно на крылечке посидеть.

Колосов выбрал крылечко.

— Сколько времени Калязина здесь работала? —

спросил он, когда они уселись на нагретые солнцем ступеньки.

— Лет пять, наверное. Да — пять, это при мне. И до меня еще сколько! В нашем институте баба Сима — старожил. Она, кажется, сразу после войны пришла.

— И все эти годы лаборанткой? Это что-то типа подсобного разнорабочего? — уточнил Никита. — Колбы мыла?

— Ну почему колбы. Нет, не только. У нас работы хватает. Одно время она, кажется, и в музее была. Потом сюда ушла, на базу, здесь платят больше.

— За живностью ухаживала?

Званцев покачал головой.

— За живностью я здесь ухаживаю. И Ольгин Саша. Баба Сима скорее за нами ухаживала. А так как у нас точные дежурства иногда случаются, то и за питомцами следила. Визуально, не то чтобы сама во что-то вмешивалась, а так — заметит что-то — нас с Ольгиным тут же в известность поставит. Прежде она вместе с нами обезьян кормила и клетки чистила, но с тех пор как Хамфри...

— Это кто такой? — спросил Колосов.

Званцев мотнул головой в сторону клетки.

— Есть тут у нас один деятель. Ну, в общем ситуация кой-какая изменилась. И баба Сима стала только в рельсу бить если что, а мы с Сашей — с Александром Николаевичем то есть — меры принимали.

— В рельсу бить, значит... было, видно, с чего тревожиться. А сегодня она во сколько ушла с базы?

— Сегодня в половине девятого. Ночь у нас паршивая была. В половине девятого как раз Женя приехал на ясногорской электричке — сменщик бабы Симы. Ну а она домой стала собираться.

— У нее есть семья? — спросил Соловьев. Он вытягивал шею и все время смотрел в сторону клеток.

— Дочь, зять, внучка. На даче все сейчас под Звенигородом. У бабы Симы три выходных через сутки, вот она и торопилась: ей ведь еще по магазинам в Москве да снова на электричку — к дочери.

— Родственникам надо сообщить, — Соловьев достал из кармана милицейской гимнастерки маленький блокнот. — Телефон у вас ее есть домашний?

— Есть. Только они ведь на даче. Ну, завтра хватятся.

Эх! — Званцев снял панаму, вытер лицо. Был он наголо брит, и это придавало ему разбойно-залихватский вид.

— Ваши сотрудники всегда электричками пользуются? — спросил Колосов.

— Не всегда. Два раза в неделю у нас от института идет машина с продуктами и кормами. Подстраиваются обычно под нее. Но баба Сима всегда пешком ходила: все торопилась — сумку на руку и пойдет шагать!

— Она ведь пожилая, так чего ж работала, с внучкой не сидела, как все бабушки?

— Да так, вроде работала всю жизнь — говорила мне, что привыкла. И своим помогала. Тут хоть, по вашим меркам, платят не густо, — Званцев криво усмехнулся, — но бабе Симе все доход. На нее грабитель напал, да? Так у нее ж брат нечего! Неужель не видел, подонок такой?

— Грабитель — это одна из наших версий. — Колосов полез в карман за сигаретами. — Не повредит вашей живности, если закурю?

— Курите. Клетки далеко отсюда.

— А почему к ним приближаться нельзя? Обезьяны вроде безобидные. Это ж не хищники, — поинтересовался Соловьев.

Званцев только усмехнулся. Усмешка вышла мрачной. Помолчал.

— Кто из ваших сотрудников последним видел Калязину? — Колосов безуспешно шелкал зажигалкой — бензин, что ли, кончился? Без перчатки он чувствовал себя превосходно и был благодарен этому ученому малому в детской панамке за его грубоватую деликатность.

— Я видел. И Зоя. Она с ней у ворот разговаривала.

— Зоя?

— Зоя Иванова — наш ветеринар. Ее апартаменты там, за серпентарием. Она, кажется, за ней и ворота закрыла.

— А почему у вас такие предосторожности? Забор, ворота, проволока? Обезьяны ведь все равно в клетках сидят.

— Ну, у нас там, — Званцев махнул рукой в гущу парка, — есть и открытые опытные площадки. Только... А эти заборы... Видите ли, приматы — создания очень впечатлительные. Нам не хочется лишний раз их беспокоить. А не будет проволоки — детвора ползет окрестная, да и взрослые сейчас сами знаете какие. А нам здесь чужие ни к чему. Только работе повредят.